

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СТАТУС ДИСЦИПЛИНЫ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН¹

***Аннотация.** Право существует в форме институтов и в форме представлений об институтах, поскольку представление чего-либо (феномен) имеет концептуальное измерение в представлении о чем-либо (понятие). Репрезентации права и представления о праве — два аспекта выражения и манифестации общей правовой реальности. Отсюда собственно и проистекает фундаментальная дилемма в определении предмета юридической науки. Это наука о праве или наука о правовой науке. Принимая во внимание, что понятие права есть развернутая в систему определений теория права, практический язык права обнаруживает себя в теоретическом языке юриспруденции и наоборот. Языки, в рамках которых действует право, и языки, на которых осмысляют явление права, и составляют общий объект и предмет юриспруденции. Юриспруденция — концептуальная часть правовой реальности, одновременно и объект, и предмет юридической науки. Эволюция юриспруденции в культурно-исторической логике изменений ее предмета и методов лежит в основании изменений ее дисциплинарной структуры и связей в общей системе социальных и политических наук. Каждой культурно-исторической эпохе существования права корреспондирует своя грамматика правопорядка и своя эпистемология права, то есть свой аналитический язык и дисциплинарный формат юридического знания. Право существует в определениях своего понятия. Каждая традиция понимания права понятийно видит в явлении «право» то, что не видят или не замечают другие традиции правопонимания. В истории развития понятия права (концептуализации права) заключена история развития правовых институтов (институционализации права). Обе составляющие правовой реальности живут в рамочных определениях своей социокультуры, ее языка и дискурса. То есть, исторических форм осознания и осмысления своего права — от права, обозначенного в ритуалах, мифах, знаках и символах, к праву, обозначенному в канонических текстах, доктринах и понятиях.*

Ключевые слова: грамматика традиционного правопорядка, грамматика рационального правопорядка, дисциплинарный кластер, коммуникативные и когнитивные основания права, юридическая картина мира, структура и язык дисциплины, классическая и неклассическая юриспруденция, юриспруденция понятий и ценностей, постюриспруденция, интегративная теория права, юридический дискурс, юридический язык, культурный капитал.

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

¹ Статья является продолжением дискуссии в рамках «круглого стола» по вопросам развития теоретической юриспруденции, проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журналом «Государство и право» [1].

LEGAL SCIENCE: CONCEPTUAL STATUS OF DISCIPLINE IN THE AGE OF CHANGES

Abstract. *The law exists in the form of institutions and in the form of ideas about institutions, since the representation of something (a phenomenon) has a conceptual dimension in the concept of something (a concept). Representations of law and ideas about law are two aspects of the expression and manifestation of a common legal reality. Hence the fundamental dilemma in the definition of the subject matter of jurisprudence. This is the science of law or the science of legal science. Taking into account that the concept of law is a theory of law developed into a system of definitions, the practical language of law reveals itself in the theoretical language of jurisprudence and vice versa. Languages within which the law operates and languages in which conceptualize the phenomenon of law and constitute a common object and subject matter of jurisprudence. Jurisprudence is a conceptual part of legal reality, simultaneously both an object and a subject of legal science. The evolution of jurisprudence in the cultural-historical logic of changes in its subject and methods lies in the basis of changes in its disciplinary structure and connections in the general system of social and political sciences. Each cultural-historical epoch of the existence of law corresponds to its own grammar of law and order and its own epistemology of law, that is, its own analytical language and disciplinary format of legal knowledge. The right exists in the definitions of its concept. Each tradition of understanding the law conceptually sees in the phenomenon of law that other traditions of legal thinking do not see or overlook. In the history of the development of the concept of law (conceptualization of law) lies the history of the development of legal institutions (institutionalization of law). Both components of legal reality live within the framework definitions of their socioculture, its language and discourse. That is, historical forms of awareness and understanding of their right – from the right indicated in rituals, myths, signs and symbols to the right designated in canonical texts, doctrines and concepts.*

Keywords: *traditional law grammar, rational law grammar, disciplinary cluster, communicative and cognitive principles of law, legal picture of the world, structure and language of discipline, classical and non-classical jurisprudence, jurisprudence of concepts and values, post-jurisprudence, integrative theory of law, legal discourse, legal language, cultural capital.*

...различные языки формируют
различные структуры мира.
Томас Кун

Эволюция дисциплины и смена гештальта

Если существует такая вещь, как теория литературы, то *кажется* очевидным, что есть нечто, называемое литературой, о чем собственно и говорит эта теория [2, с. 19; 3]. Данное утверждение британского литературоведа Терри Иглтона вполне применимо ко всему корпусу исследовательских

проблем, связанных с сосуществованием права и теории права. Отвечая на вопрос, что есть право, мы должны ответить и на вопрос, что есть правоведение. Вместе с тем, очевидно, что в данной постановке вопроса заключено двойное отношение. Определение, что есть право, предполагает определение, что есть теория права. Это не герменевтический круг — движение части к целому и целого к части. Здесь одно неизвестное лежит в основании другого неизвестного. Как выскочить из логического круга? Видимо, можно предположить, что обе категории являются составными элементами, точнее, измерениями другой, более широкой культурно-исторической реальности, а именно, правовой реальности. Правовая реальность существует и выражает себя в категориях и понятиях определенной правовой системы. Правовая система и есть ни что иное, как концептуально и институционально организованная в институтах и представлениях своей культурно-исторической эпохи правовая реальность.

Право — одновременно концепт и конструкт, социальное явление и социальный продукт, феномен регулярных практик и политического проектирования. Становление права, формирование и развитие нормативного языка правовых институтов, сопровождает параллельный процесс формирования и развития представлений о праве или знаниевых форм права, выражающих культурно-исторические логики и подходы в осмыслении и понимании феномена права. Связь знаний о праве и институтов права, развития дисциплинарной структуры юридической науки и институциональной структуры права очевидна. Это эмпирический факт, не нуждающийся в доказательствах, но требующий объяснения. Право и представления о праве есть ни что иное, как отображения юридических форм и смыслов существования человеческой реальности в нормативных и концептуальных определениях ее социокультуры. Правовая реальность, поскольку ее становление и движение в исторически различных практиках и техниках юридической организации социальных отношений связано культурой восприятия, оценки и переживания должного или недолжного социального порядка как правопорядка, — это ментальная и когнитивная реальность в ее феноменологии, отражаемой в различных юридических картинах мира, стилях правового мышления и понимания права.

Эволюция права представляет собой эволюцию множества конкурирующих культурных цепей: идей, верований, доктрин и учений составляющих в совокупности внутреннюю и внешнюю среду обитания любого исторического явления или аксиологию права. Ментально-сущий или юридический концепт действительности — интегральное ядро правовой реальности, как в ее онтологии (*категориях*), так и в ее эпистемологии (*представлениях*), лежат в основании другой базовой категории юриспруденции — правовой коммуникации. Правовая коммуникация — это обмен образами, представлениями, понятиями или языками понимания и рассуждения о праве в нормативной лексике и семантике своей социокультуры [4]. Познавательная

ценность категории юридический концепт действительности, введенной в научный оборот Г. Гаджиевым [5]², в изучении правовой реальности в том и состоит, что она включает в самой себе и онтологические, и эпистемологические основания формирования и права, и науки права. Именно в этой синтетической данности пересечений представлений о действительности и самой действительности, ее субъективной и объективной общей коммуникативно-когнитивной онтологии права и заключено то, что составляет совокупный предмет юриспруденции: понятие явления и категории право, и понятие явления и категории науки права.

Интегральный концептуальный статус данной категории превращает ее в рамочную структуру всех возможных изменений и трансформаций правовой реальности — и в ее правовых конструкциях, и в ее аналитических определениях. История права и история науки права — это история смены юридических концептов действительности, мысленных нормативных образов правовой реальности или выражения должного в разнообразных понятийных и нормативных формах его культурно-исторических манифестаций. Каждой категории наличного правопорядка корреспондирует свой понятийный комплекс и концептуальный цикл движения определений ее содержания и формы [6; 7; 8]. В этом аспекте своего проявления именно генезис юридического концепта действительности (*концептогенез*) и является внутренним источником права (*нормогенеза*). В нем ментально и когнитивно заключено юридическое основание процесса правообразования, которое в свое время было определено Г. Кельзенем в качестве основной нормы или метанормы — мысленного образа должного в наличных культурных практиках социального общения как выражения жизненной энергии различных культурно-исторических форм правосознания своей эпохи³.

² Правовая реальность всегда осмысливается в основополагающих категориях должного или недолжного порядка отношений, но определяется в образах, метафорах, представлениях и понятиях своей исторической эпохи. Процесс осмысления правовой реальности и есть процесс ее категоризации и концептуализации, посредством которой право обретает свою нормативную и понятийную историческую структуру. Процесс осмысления правовой реальности протекает в системе расширения (сужения) и переопределения ее категориальных и понятийных координат в зависимости от культурно-исторического контекста их формирования и обозначения.

³ Категории метанорма (когнитивные нормы, конвенциональные правила, паттерны, стереотипы восприятия и переживания права) корреспондирует категория мононормы. Данные категории, в историко-генетическом аспекте своего существования и развития являются взаимосвязанными характеристиками отдельных фаз нормативной эволюции систем социального общения, а значит, и концептуальных систем их познания. Мононормы представляют собой продукты органического синтеза первоначального права. Метанормы — это итог социокультурного процесса расщепления общего нормативного ядра органических юридических систем и их дифференциации на отдельные автономные составляющие, каждая из которых вырабатывает свой механизм воздействия на поведение отдельных социальных единиц и их коллективных образований. Метанормы являются выражением юридических картин мира или представлений о должном порядке в определенных культурах социального общения, внутри которых оформляют свои относительно автономные сферы нормативной регуляции — религия, мораль, право. На их пересечении возникают свои нормативные комплексы, представленные традиционными правовыми системами, религиозными правовыми системами и этико-нормативными системами. Каждую из перечисленных формаций нормативных систем характеризует своя Основная норма или свое базовое представление (*концепт*) о ключевых источниках и формах выражения Своего

Правовые явления в их собственной онтологии отображаются в категориях, понятиях и определениях практического и теоретического языка права. Важно при этом различать язык правовых категорий и язык правовых понятий. Категории открываются. Понятия раскрываются. Язык правовых категорий имеет статус существования. Это то, что составляет реальность права определенной исторической эпохи. Правовые категории открывают и осмысливают. Язык правовых понятий имеет эпистемологический статус. Это то, что составляет реальность знания о праве конкретной исторической эпохи. Правовые понятия разрабатывают и определяют. Обе составляющие правовой реальности — и правовые категории (*ее объективное начало*), и правовые понятия (*ее субъективное начало*), живя в социокультурных границах правосознания своего исторического времени и места, составляют объективную и субъективную онтологию конкретно-исторического правопорядка или практический и теоретический юридический язык своей исторической эпохи.

Каждая историческая эпоха существования права живет в категориях и определениях языка своего права. Язык, на котором говорит право, определяет и юридическую форму и юридическое содержание права. Различение публичного и частного права, жесткого и мягкого права обозначается различиями прескриптивного и дескриптивного языка права, его нормативной грамматики, семантики и терминологии. Язык, на котором говорит наука права, определяет ее дисциплинарную структуру и ее концептуальное ядро. Значение практического и теоретического языка юриспруденции в том и состоит, что им обозначаются границы и институционализации, и концептуализации права. В этом аспекте своего юридического бытия, язык права обладает и формальной, и концептуальной нормативностью. Язык права выражает должное в его коммуникативных значениях (*семантике*) через систему представлений о должном (*концептах*). Язык права, выполняя одновременно и коммуникативную и когнитивную функции, заключает в себе и регулятивную и концептуальную грамматику, образующие в совокупности и в их взаимных переплетениях общую грамматику правопорядка, включая его метафорические и символические конструкции.

Мы до сих пор недооцениваем нормативный и аналитический потенциал, *заклоченный* в языке метафор. Метафорика — составная часть языка права. Ее символические определения образуют письменность глубинных оснований права своей эпохи и являются органичной частью правовой реальности. Такие конструкции как «*невидимая рука рынка*» или «*живое право*» дают для понимания сущности бытия реальной действительности больше, чем горы теоретико-методологических причитаний на эту тему. Метафорическое содержит в себе потенциальную возможность превращения

права. Разнообразие форм не меняет фундаментальный смысл правил. Он заключается только в одном — облегчать жизнь, а не мешать быть тем, чем она может быть.

символического в фактическое. Резонно предположить — если есть нечто, именуемое как «позитивное право», то его теневым проявлением является негативное право; если имеет место естественное право, то его латентным продолжением является противоестественное право, жесткому праву корреспондирует мягкое право. Язык метафор — индикатор возможного будущего, скрытого в его прошлом и настоящем. Метафорическое отношение к действительности выражает универсальное основание и шкалу возможных процессов институционализации и концептуализации права (правообразования и правопонимания) — органическую бинарную структуру, в которой эвентуально присутствуют все актуальные и потенциальные формы права и знания о праве. Есть только фундаментальная парадигматическая оппозиция «*a* и *не-а*». И все остальное, заключенное между ними, — и ничего больше. Иначе говоря, наличные правовые институты и понятия об институтах — изначально и всегда незавершенные в себе и преходящие формы выражения и существования *живого* практического и теоретического языка права.

Понимание права и правоведения как особых форм существования и выражения юридического языка открывает новую перспективу в изучении правовой реальности как языковой и символической реальности. Смена доминирующих концептуальных традиций понимания и отношения к праву или правовой гештальт, благодаря чему собственно и движется и меняется правовая реальность, чтобы снова и снова периодически возвращаться к своим фундаментальным истокам и открывать новые циклы своей культурно-исторической эволюции, и составляет действительный предмет правовой науки. Различные исторические формации юридического знания выражают содержательные и концептуальные рамки права и науки права каждой исторической эпохи. Каждая историческая эпоха существования науки права говорит на своем языке описания и объяснения права.

Познание права включает в себе критику науки права. Эволюция права и есть эволюция языка рассуждений о праве в культурно-исторических границах своего концепта юридической действительности. Теоретическая разработка данной категории охватывает весь спектр фундаментальных проблем и тем юридической науки и, прежде всего, вопросов комплексного изучения различных правовых систем с точки зрения общих и особенных оснований и условий *происхождения* и исторического развития лежащего в их основании юридического языка, грамматики и семантики конкретных правопорядков. Изучение сходства и различия юридических языков позволяет идентифицировать те или иные культурно-исторические традиции и практики правовой организации социальных отношений, а значит, нормативные и интеллектуальные основания выражающих их правовых систем с точки зрения их совместимости или несовместимости, открытости или закрытости, комплементарности и транзитивности.

Явление права существует с начала исторических времен. Это категория фактического бытования социальной реальности. Представление о праве —

также категория исторической эпистемологии. Развитие права предполагает становление, формирование и трансформации языка его осмысления. На смену грамматики традиционного правопорядка приходит грамматика рационального правопорядка. Социальный язык права и концептуальный язык права, неравномерные и разновременные аспекты (слои) выражения и манифестации правовой реальности и правопорождающей грамматики ее языков, языка практик социальных коммуникаций и языка их определения. Практический язык права и теоретический язык науки права неотделимы друг от друга, но существуют в различных измерениях их общей правовой реальности. Собственная история правоведения, получившая отражение в классической и неклассической традиции понимания права, фактически может быть сведена к четырем стадиям или состояниям концептуальной эволюции. Первая архаическая фаза — фаза ритуальной юриспруденции или юриспруденции отражения права в символических обозначениях его содержания и формы (*юриспруденция архетипов или практическая юриспруденция*). Вторая переходная фаза — фаза метафизической юриспруденции или юриспруденции этико-нормативных оснований возникновения и развития права (*юриспруденция ценностей*). Третья, собственно концептуальная фаза — фаза юриспруденции рациональных определений, проблематика которых вращается вокруг различных исторических систем юридических знаний и понимания правовых явлений (*юриспруденция понятий*). Современная фаза дисциплинарной эволюции юридической науки постепенно открывает новую аналитическую перспективу своей теоретико-методологической рефлексии, связанную с изучением юридической науки как таковой, то есть разработки самой юридической науки в качестве предмета исследования (*юриспруденция эпистем или критическая юриспруденция*). Поскольку каждый формат предметной и методологической эволюции юриспруденции существует в рамочных определениях своего категориального и понятийного языка, именно язык юриспруденции образует ее новый предмет. В этом отношении, действительный предмет юриспруденции и есть сама юриспруденция. Развитие концепции юриспруденции отражает движение языка юриспруденции. Язык юриспруденции в самом себе включает язык социокультуры своего места и времени. Язык социокультуры является выражением юридических картин мира, то есть метафизических смыслов и нормативных переживаний разнообразных (фактических, символических) исторических практик социального общения.

Юриспруденция в различных аспектах и контекстах своего существования и осмысления составляет, наряду с ментальной, языковой и институциональной, концептуальную часть правовой реальности. Поэтому активно обсуждаемая в литературе вопроса тема особого формата юридической науки — интегральной юриспруденции нуждается в переосмыслении, поскольку на любой исторической фазе своего образного, символического или теоретического развития, юриспруденция в своей собственной онтологии,

аксиологии и эпистемологии отображает правовую реальность в ее предметной конкретике. Интегральная целостность правовой системы уже в себе заключает историю становления интегральной юриспруденции в различных формациях знаниевого или категориально-понятийного выражения ее предмета и ее аналитики. Совокупный предмет юриспруденции — сложная, многосоставная и многоуровневая конструкция с исторически меняющимися наслоениями правовой реальности, представленной категориальными, дисциплинарными и понятийными кластерами, отражающими культурные — ментальные и когнитивные сдвиги в практиках соционормативного общения.

Концептуальная эволюция любой научной дисциплины заключает в самой себе кризис собственного развития, которым одновременно завершается и начинается очередной цикл поиска новых предметных и аналитических оснований. Саморефлексия на предмет самое себя — вершина научной эволюции теории права, в которой она находит смысл своего существования как явления с постоянно меняющейся исторической формой концептуализации знания о праве. Структурный разрыв в культурно-исторической эволюции знаниевых форм права заключен в переходе от одного исторического формата осмысления права к радикально другому. От рефлекторной формы отражения правовой действительности (*через подражание, мимесис*) к рефлексивной форме (*через определение, концепт*), от правовых архетипов и ритуалов к правовым концепциям и понятиям. Язык традиций исключает критику наличного правопорядка. Язык новаций — по определению язык его критики. В этом смысле, догматическая и критическая юриспруденция — фундаментальные концептуальные эпохи и альтернативы репрезентации правовой реальности.

Первая и одновременно всегда актуальная проблема теории права, вокруг которой вращаются ее ключевые определения, состоит в периодическом открытии неопределенности своего дисциплинарного статуса. Еще вчера — это доктринальное *ядро* в системе юридических научных иерархий, сегодня — существование с едва понимаемыми и разделяемыми притязаниями на право быть универсальной и безусловной истиной для всех отраслевых юридических наук. Власть догматического дискурса (концептуальная власть статусных номинаций и классификаций) закончилась тем, чем все кончается, — кризисом жанра и ожиданием, что все когда-нибудь само собой вернется на свое привычное место, а эпоха разрушительной критики формально-логических оснований юриспруденции придет к своему естественному концу.

Отечественная юридическая наука, как и все, что составляет ее доктрину, аксиоматику и аналитику, подвержена инфляции и девальвации. Это эмпирический факт, масштабы и последствия которого для развития и судьбы самой дисциплины еще предстоит осмыслить, но совершенно очевидно, что парадигмальные сдвиги в понимании места и роли теоретической юриспруденции в общем корпусе юридической науки предполагают появление в ее составе критической юриспруденции в собственном смысле данного поня-

тия [9; 10]. Предметные и концептуальные изменения юридической науки заключены в элементарной формуле — «от идеологии к научному методу» или «от эмпирического факта к теории», за которыми скрывается собственная дисциплинарная история науки права. Новая юриспруденция — это не только новый предмет и метод, а новое понимание эпистемологических оснований дисциплины или способов мыслить то или иное явление в категориях, понятиях и определениях нового языка дисциплины. Это — проблема и тема концептуальных переносов языка юриспруденции от мифа к эпистеме, от эпистемы к эмпирическому факту, от эмпирического факта к понятию.

Язык юриспруденции обладает двойственной природой. Это, с одной стороны, инструмент описания и объяснения феномена права, а с другой стороны, инструмент изучения самого языка научной дисциплины. Кризис формально-догматической юриспруденции лежит за рамками ее собственного предмета и метода. Его истоки заключены в природе вырабатываемого ею юридического знания, основные определения которого выводятся из юридических конструкций, составляющих содержание действующего законодательства. В их основании лежат нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-декларации, образующие одновременно ее концептуальное и нормативное ядро. Язык формально-догматической юриспруденции — язык прескриптивных суждений, предписывающих понимание нормативного значения тех или иных аспектов правовой реальности, рассматриваемых в качестве объекта формально-догматического анализа. Язык формально-догматической юриспруденции вырабатывается не свободной средой критических высказываний, адресатом которых в первую очередь является и сама дисциплина с точки зрения достоверности получаемого ею знания. Основные категории и понятия здесь заданы системой идеологических инстанций, обеспечивающих их единообразное понимание и применение. Структура и содержание догматической юриспруденции подчинено логике формальных определений, ключевые значения которых санкционированы юридической доктриной. Сложившийся эмпирически под влиянием потребностей развития юридической практики язык догматической юриспруденции, как с точки зрения своего предмета, так и с точки зрения своего аналитического инструментария выражает определенный исторический этап в развитии самой правовой науки. Это, несомненно, фундаментальная часть общего правового наследия и капитала юридической науки, но она не является сегодня универсальной отмычкой от всех социальных проблем, которые существуют не сами по себе, а в нашем воображении, ограниченном в своем понимании всего разнообразия возможных форм проявления правовой действительности рамками существующей традиции видеть только то, что можно увидеть в границах определений языка своей социокультуры⁴.

⁴ Право в своей онтологии и генезисе определяется практиками социального общения и их осмысления на языке социокультуры своей эпохи. Оба процесса (аспекта, функции) юридического конституирования социальной действительности (коммуникативный и когнитивный) в их совместном

Кризис дисциплинарной матрицы: языка, предмета и структуры

Юриспруденция — категория с меняющейся исторической формой и содержанием. Это аксиоматическая формула Р. Штамллера, имеющая универсальное значение в осмыслении любых социальных явлений. Проблема состоит только в том, что динамика и траектории преобразований в составе знаниевых форм и содержания права асинхронны. Конфликт содержательных (*концептов*) и формальных (*аксиом*) определений задан изначально и объективно, в самом факте существования правовых категорий и понятий. Развитие юридической науки протекает в политической и культурной среде различного исторического времени и места. Юриспруденция, рассматриваемая в системе правовых знаний о правовой реальности, не существует в концептуальном пространстве только собственных представлений о праве, поскольку право является объектом изучения широкого комплекса социально-гуманитарных наук. Концептуальный статус юриспруденции — функция множества внешних и внутренних переменных. Дисциплинарные основания ее собственного развития лежат в системе взаимодействий с другими научными дисциплинами. Актуальная тема современного состояния развития юриспруденции заключена в проблеме совмещения категориальных и понятийных рядов юридической науки в общей системе социальных, политических и экономических наук [17]⁵.

Это позволяет рассматривать наличную систему юридических знаний в качестве социокультурного института, существующего в границах определенной системы правил и эпистемических стандартов квалификации полученных научных результатов, а также кодифицированного языка рассуждений о праве, адекватного или неадекватного той или иной эпохе существования и явления права, и науки права.

процессе правообразования и правопонимания лежат в основании формирования грамматики правопорядка, представленной правилами его организации — регулирования, оценки и анализа правовых ситуаций и событий, характеризующих культурно-исторический формат правовых систем своего времени и места [11; 12; 13; 14; 15; 16].

⁵ Резонно предположить концептуальную потребность формирования в общем корпусе юридической науки гибридных теорий политического права (политически ориентированной юриспруденции), теорий социального права (социологически ориентированной юриспруденции). Проблема лишь в формате конституирования гибридных языков права и науки права. Если процесс формирования интегрированных категориальных и понятийных комплексов будет протекать в рамочных определениях позитивистской версии понимания права, юридическая наука будет продолжать вращаться вокруг категории «*установленное право*», поскольку она не знает и не хочет знать категории «*действующее право*». И развитие собственного аналитического языка будет протекать в логике, исключающей социологическое или политологическое видение и понимание правовой реальности. Элементарная аксиома, что не все установленное право может быть действующим или являться действующим, должна иметь свое категориальное и концептуальное отображение при формировании любой гибридной конструкции теории экономического или политического права, ее аналитического языка и дискурса. Вопрос не в долгожданном явлении теории экономического права, а в ее концептуальном статусе быть именно *новой теорией* экономического права, развивающей свой категориально-понятийный аппарат в логике актуальных тенденций экономического развития, требующих новой аналитики, а не имитации или консервации концептуальных сдвигов в ее дисциплинарной структуре.

Кризис юриспруденции с точки зрения ее предмета, аналитического аппарата и дисциплинарной структуры — *исторический факт*, осмысление которого также должно быть предметом научной рефлексии. В этом отношении, юриспруденция объективно является предметом исследования, содержание которого составляет определение новой эпистемологической перспективы и выражающей ее юридической теории, теории юридической теории или метатеории, со своим предметом, аналитическим языком и структурой юридических знаний. В этом аспекте концептуальной эволюции юриспруденции именно эволюция ее знаниевых форм, то есть преобразований в системах языка организации и выражения ее предметного содержания составляет сегодня новую фазу развития юридической науки. Научными маркерами ее самоопределения в логике собственного парадигмального развития является признание наличия и далеко не мирного сосуществования различных конкурирующих исследовательских подходов, означенных в литературе вопроса в качестве классической и неклассической юриспруденции и представленных в составе относительно автономных юридических школ и сообществ.

Введение в проблематику развития права и науки права языковых изменений, протекающих в системе культурно-исторических и эпистемологических координат той или иной эпохи их возникновения и выражения, кардинально меняет общий исследовательский ландшафт существования юридической науки. Фактически оно предполагает одновременно радикальный концептуальный сдвиг не только внутридисциплинарных, но также и междисциплинарных связей, и предметных пересечений юриспруденции и лингвистики, юриспруденции и семиотики, юриспруденции и антропологии, лежащих в основании языкового, знаково-символического и аксиологического поворотов внутри самой юридической науки, меняющих ее традиционное место в общей системе социогуманитарного знания. Разработка теории структуры и динамики изменений практического языка правовых институтов и концептуального языка юриспруденции открывает возможность выявить и ввести в аналитическую повестку дня проблему синхронного и асинхронного сосуществования институциональной, концептуальной и языковой составляющих внутри самой правовой реальности. Кризис легитимности и права, и науки права [18] — в определяющей степени производная данного объективного несоответствия трех, языковой, институциональной и концептуальной, логик культурно-исторической эволюции права в их инерционном или опережающем формате развития. Данная постановка вопроса позволяет в общей структуре юридической науки формировать новое и актуальное для современных условий политико-правового развития исследовательское направление — юриспруденцию кризисов в системах социально-правового общения. Ее предмет — парадигмальные сдвиги правовых систем и смена гештальта или юридической картины мира в ее категориальных, ценностных и когнитивных основаниях и в их взаимных отношениях и определениях.

Теория и история юридической науки — это теория и история представлений о праве и порождаемых ими разнообразных форм права, структурной частью которых являются правовые доктрины и теории, правовые концепции и понятия, составляющие в совокупности юриспруденцию или совокупность знаний о праве и концептуальных форм их выражения и обозначения. Юриспруденция и есть ни что иное, как когнитивное проявление и продолжение правовой реальности, наряду с образующими ее нормами и ценностями, институтами и процедурами. Юриспруденция имеет свое собственное предметное содержание и свою собственную концептуальную форму, свой язык описания и объяснения различных практик и режимов социально-нормативного общения. Смещение теоретико-методологической рефлексии с традиционной постановки вопроса «*Что есть право, а что не есть право?*» и поиски ответа на вопрос «*Что есть наука права, а что не есть наука права?*» означает парадигмальный сдвиг в понимании собственного предмета юриспруденции. И, прежде всего, в понимании его сложной многоуровневой концептуальной структуры, предполагающей изучение знаниевых форм права и аналитического языка описания и объяснения социокультурной природы права и науки права. Разработка теории юридического языка рассуждения о праве в рамочных определениях классической и неклассической версий понимания права требует качественно иного видения предмета и аналитического инструментария самой юриспруденции, открытия и обозначения новых доктринальных оснований построения ее предметной и дисциплинарной структуры.

Разумеется, развитие юриспруденции или отдельных систем правовых знаний о фактах и нормах, ценностях и представлениях о должном или недолжном социальном порядке протекает в рамках наличного социо-политического и культурно-исторического контекста. Также очевидно, что базовые категории и понятия о праве заключают в своих конструкциях и определениях собственную историю юридической науки. Исторически система знаний о праве и форм их концептуализации образует сложную слоистую сегментарную структуру, включающую периферию и парадигмальное ядро, составляющее доктринальное основание формирования и воспроизводства различных систем юридических знаний. Его значение в самоопределении конкретно-исторических форм существования и развития юридической науки фундаментально. Содержание парадигмального ядра образуют когнитивные нормы, концептуальные стандарты и аналитические процедуры верификации и признания вырабатываемого юридического знания рамочным нормативным требованиям их производства и потребления той или иной исторической эпохи. С одной стороны, оно регулирует распределение когнитивных (познавательных) функций и позиций между общими элементами дисциплинарной матрицы — ее предметно-тематической и категориально-понятийной составляющими. С другой стороны, в зависимости от динамики изменений внешних и внутренних факторов инс-

титуционального и концептуального развития и преобразованиями в самой юридической науке меняется как структура внутри и междисциплинарных связей юридической науки, так и содержание, и состав ее аналитического языка, его собственной аксиоматики и догматики, лексики и семантики.

Язык права и язык науки права — это одновременно языки формы и содержания. Юридический язык в самом себе заключает нормативные и концептуальные границы существования и выражения права, то есть его понимания, определения и институционализации. Культурно-историческая эволюция юридического языка в самой себе заключает институциональную эволюцию права и концептуальную эволюцию науки права. В этом отношении симптоматично, что институциональная история развития права и концептуальная история развития науки права подчинены общей культурно-исторической логике преобразований в системах практического и теоретического юридического языка. Исторические эпохи развития и изменения юридического языка — это одновременно исторические эпохи изменения исторических форм регулирования практик социального общения и исторических форм их концептуализации. Любая состоявшаяся научная дисциплина — процесс и итог многовекторной концептуальной эволюции, в которой сосуществуют, наслаиваясь друг на друга, различные временные срезы ее становления и самоопределения в системе конкурирующих теорий, подходов и научных школ. Заклучая в себе, своей собственной структуре и языке, словах и значениях извилистую историю своего действительного и иллюзорного существования, сама наука становится предметом научной рефлексии — археологии социального знания, в своих исходных основаниях представленной в работах Мишеля Фуко [19; 20] и признанной научным сообществом исследовательской традицией [21; 22].

Отечественная юридическая наука в весьма ограниченной степени вписывается в современные тенденции и логики концептуального развития [23; 24; 25]. К сожалению, пребывая длительное время в изоляции от ключевых направлений их оформления и структурирования в основной части бытования своего исторического предмета, которая не связана потребностями международно-правового контекста общения [26], она продолжает жить в определениях формально-догматического подхода к праву, его аналитического языка и актуальной тематики. Преодоление сложившейся инерции научного развития [27] и практики механических заимствований идей и терминологии, выработанных в иных политико-правовых культурах понимания и отношения к праву в формате *актуальных* научных дискуссий и весьма скромной и несистемной переводческой активности зарубежной научных источников, не решает и не снимает накопленный груз возникающих юридических проблем. История концептуального развития без изменений и ностальгических воспоминаний о юридическом прошлом подошла к своему логическому концу [28]. Судьба Буриданова осла, по видимому, пока еще окончательно никого и ничему не научила, поскольку

унылая картина массового производства и оборота учебной юридической литературы, повторяющей когда-то аксиоматичные для своего времени правоположения [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35]⁶ не прекращается, а напротив продолжает свое триумфальное шествие, несмотря на титанические усилия отдельных юридических школ и их представителей выйти из тени этатистско-легалистского наследия. Присутствие архаичного прошлого в настоящем, разумеется, всегда сохраняется, однако до поры до времени, которое, может просто закончиться без какой-либо перспективы наступления будущего.

Застывшая в себе классика и ее альтернативы

В литературе вопроса сложившееся состояние юриспруденции обозначено в качестве классической фазы концептуальной эволюции дисциплины. То есть завершенной в самой себе аксиоматической формы юридического знания, представленной системой необходимых и достаточных догматических правоположений, которые если и нуждаются в изменениях, но только в границах своих собственных санкционированных нормативных определений. Аналитическая реконструкция советской теории государства и права — занятие малопродуктивное. Одно и то же, об одном и том же на протяжении практически пятидесяти лет ее существования с известными новациями, в частности введения в оборот категорий «правоотношение» и «правосознание», открывших в дальнейшем перспективу социологического и аксиологического подходов в исследовании права. Предельно закрытые для изменений формальные и доктринальные основания дисциплины исключали собственно историю развития языка, предмета и структуры самой дисциплины, поскольку ее целевая функция заключалась не в объяснении явления государства и права и даже не в обосновании правомерности тех или иных политико-правовых решений. Марксистско-ленинская теория государства и права всегда позиционировала себя в качестве сферы рассуждений о власти в концептуальных границах установленных самой властью.

Вершина научного осмысления государственно-правовой реальности в исторической логике ее формационных изменений — издание в начале 1970-х годов четырехтомного фундаментального курса теории государства и права. Оно выражало главное интеллектуальное достижение эпохи — развернутое изложение общих предметных и инструментальных оснований научной дисциплины [36]. Поскольку определение понятия права в определениях понятия государства изначально заключало в себе идею доминирования института государства в процессах правообразования, теория государства сохраняла в этой аналитической конструкции роль концептуального ядра

⁶ Это — вершины советского позитивизма. Сегодня общий кризис отечественного правосознания выражается в появлении таких новых жанров юридического знания, как теория права в вопросах и ответах и шпаргалках, заполнивших рынок так называемых образовательных услуг. Промысел, судя по всему, приносит приличный доход. Это, конечно, еще не конец юридического света, но очевидный симптом наступления юридической тьмы.

дисциплины. В учебном варианте данное положение нашло отражение и в ее формальной структуре. В принятой дисциплинарной схеме теория государства всегда предшествовала теории права. Вопрос междисциплинарных связей в системе юридических наук, а также различных форм организации и построения юридического знания был представлен в элементарной форме энциклопедии права. Механическое совмещение философии позитивного права, нормативной теории государства и права и социологии права [37; 38; 39; 40] фактически и было первоначальным вариантом реализации интегративного подхода в изучении государства и права.

Постановка проблемы аналитической разработки самой юриспруденции в качестве предмета научной рефлексии, понимания не только познавательной, но и конститутивной роли юридического знания в формировании правовых институтов, а также влияния знаниевых форм права, то есть форм рефлексивности на процессы правообразования и правоприменения, постепенно входила в исследовательское поле юридической науки⁷. Изучение концептуальной эволюции юриспруденции имеет не только теоретическое значение, но также и практические последствия. Правовая реальность той или иной исторической эпохи своего существования и выражения есть итог одновременно и концептуальной, и институциональной эволюции. Конструкции институтов и определения понятий не существуют сами по себе. Правовые понятия лежат в основании институтов. Правовые институты заключают в себе свои определения. И правовые понятия, и правовые институты существуют и выражают себя на юридическом языке своей эпохи. Эволюция юридического языка в самой себе заключает и эволюцию представлений о праве (исторических процессов концептуализации права), и эволюцию правовых институтов (исторических процессов институционализации права).

Язык формально-догматической юриспруденции в своем классическом определении понятия права особое внимание акцентирует на таком правообразующем свойстве права, как принудительность. Это нормативный маркер наличия или отсутствия права в собственном догматическом смысле определения его понятия⁸. Квалификация установленных правил

⁷ В весьма краткой и емкой формуле это положение высказал П. Бурдьё — «Наука о праве ...обособляется от юридической науки, принимая ее за предмет своего изучения» [41, с. 75]. Различение понятий наука права, юридическая наука, юриспруденция, правоведение, юридическая теория, наука о юридической науке, метатеория или теория теории и множество других конструкций понятийного и языкового разнообразия аналитического словаря дисциплины нуждается в более глубокой проработке и составляет ее собственное проблемное поле. В этом отношении несомненным событием является перевод и издание курса лекций в Коллеж де Франс П. Бурдьё «О государстве» в 2017 году, являющегося фундаментальным введением в теорию и методологию языка современного государствоведения.

⁸ Подобный социокультурный метаморфоз в литературном процессе сформулирован И. Пешковым: «то, что было признаком поэтики особого этапа, становится знаком этого этапа» [42, с. 438]. Данную конструкцию можно также распространить и на право. То, что было признаком права особого этапа, становится знаком этого этапа. Практики нормативного общения, безотносительно сфер социальных коммуникаций (экономических и политических) представляют, в конечном счете, обмен знаками — языками, символами и ценностями. Право и литература — категории общей языковой реаль-

как правовых форм юридической организации и регулирования социальных отношений самым непосредственным образом привязана к их аналитическим определениям. В терминах данного подхода законность всегда формальна и подобно невинности она либо есть, либо ее нет. Хотя все зависит от степени нормативности критериев оценки того или иного состояния фактического, которые, в свою очередь, являются производными социокультуры своего времени и места. То есть подвижны в своих юридических определениях и квалификациях в широком диапазоне возможных правовых последствий.

Институциональным выражением аналитики принудительности права является формирование в общей системе правовых категорий института юридической ответственности, составляющего нормативное ядро правовой системы, выстроенной в логике заключенного в ней понимания права. Именно в этом смысле право таково, каково представление о праве, развернутое в системе его определений, понятий и институтов. Другие конститутивные признаки позитивистской версии понимания права как общеобязательности и формальной определенности также имеют свое институциональное продолжение. Однако оно, в отличие от принудительности права, имеет более размытое материально-правовое и процедурное выражение, то есть, — скорее, доктринальное и декларативное значение. Нормативный статус данных характеристик права, лежащих в основании его догматического определения, обладает пониженным уровнем своей нормативности и юридической квалификации, что подтверждает простой факт. Право — это также и политический институт, действие которого определяется широким культурно-историческим контекстом его существования и развития. Изучение предпочтений одних языков описания и объяснения феноменов государства и права другим языкам, — предмет политической юриспруденции и социологии права, открывающих современную концептуальную перспективу в изучении государственно-правовых институтов. Институциональная теория права — это, прежде всего, история и теория процесса его концептуализации, который является также и историческим процессом⁹. Действительная история институтов и есть история представлений, заклю-

ности. Закономерности их бытования имеют общую коммуникативную и когнитивную природу. По существу, семиотическое прочтение признака *принудительности* (нормативности) права имеет уже делящуюся концептуальную традицию на материалах коммуникативной и когнитивной теории языка. Семиотика социально-правовых контактов и обменов органичная часть предмета и методов интегративной юриспруденции.

⁹ См.: Проблема доминирования волевой и принудительной нормативности права, детально проработанная в этатистской версии правопонимания, была преодолена в рамках альтернативной концепции ценностной нормативности, разработанной Лоном Фуллером в работе «Мораль права» [43, с. 227–234]. Ее современное терминологическое прочтение в рамочных метафорических определениях, см: [26; 44]. Изучение взаимозависимости процессов концептуализации и институционализации правовых категорий в различных правовых традициях понимания права, в различных правовых системах современного мира и в различных социокультурных контекстах своего воспроизводства, открывает новую аналитическую перспективу развития правоведения, прежде всего, компаративистики.

ченных в правосознании своей эпохи и развернутых в основополагающих текстах социокультуры своего времени и места.

Парадигмальный сдвиг в развитии отечественной юридической науки связан с именем В.С. Нерсесянца, основоположником либертарно-юридической теории права, знаменитая статья которого заложила новые теоретико-методологические основания в изучении и понимании права [6; 45; 46; 47]. Предложенная версия правопонимания радикально переопределяла онтологию взаимных отношений институтов государства и права [48], гносеологию междисциплинарных связей теории государства и теории права [49; 50] и, самое главное, аксиологию юридической организации социальных институтов [51]. Движение от юриспруденции норм и формальных понятий к юриспруденции интересов и ценностей составило собственную концептуальную фазу и традицию в эволюции юридической науки. Юриспруденция Нерсесянца составила эпоху в развитии теоретического правоведения. Ее значение не только и не столько в формировании новой аналитики и юридической школы со своей идеологией и языком рассуждения о праве. Любые новации когда-то становятся архаикой. История либертарно-юридической теории — это история становления критического дискурса в юриспруденции, без чего по определению не может быть науки как таковой. Это — и история его умирания, поскольку любая концептуальная война, отягощенная собственной идеологией, кончается тем, с чего она начинается — приходом другой, воюющей за собственное доминирование дискурса-концепции, всегда неполной и открытой переопределению.

Борьба за либертарное представление о праве в его взаимоотношениях с бюрократическим государством¹⁰ радикально преобразовала дисциплинарный ландшафт юридической науки в целом, вызвав появление целого спектра исследовательских подходов и направлений как внутри дисциплины, так и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими науками. Юриспруденция начала выходить из тени собственной догматической традиции, импульс которому был задан еще в досоветский период ее развития, хладнокровно раздавленный в буквальном смысле советской доктриной и

¹⁰ Базовый концепт эпохи выражен в весьма лапидарной, но, тем не менее, точной формуле — «Право — это язык, на котором государство разговаривает с народом» [52, с. 316] К сожалению, автор не расширил свое понимание предмета, поскольку не затронул вопрос языка, на котором народ разговаривает с государством. А жаль, поскольку именно здесь и заключена сущность права. Позитивизм во всех своих юридических редакциях (этатизм, легализм, нормативизм, аналитическая юриспруденция и т.п.) не настолько наивен, чтобы не видеть ограниченный, утилитарный, рутинный и идеологически мотивированный смысл своего понятия права. В качестве компенсации скудности своего концептуального языка активно используются приемы риторических суждений о том, чего нет, но что должно быть и прячется за сухими формулами-предписаниями юридического текста. Риторика, как, впрочем, и пустая метафизика, поддерживающие систему наличной государственной иерархии, призваны возвысить юридическую прозу повседневной жизни до уровня правовой поэзии принципов и гарантий всевозможных благ, скрывающих простой эмпирический факт. За формальным юридическим текстом нет никакой иной социальной реальности, кроме реальности самого текста и определяющего его содержание, лексику и семантику доминирующего интереса. В этом смысле, *позитивное* означает всего лишь господствующее политическое или санкционированный наличной властью дискурс.

практикой государственно-правового строительства собственных институтов власти, собственности и управления¹¹. Проблемно-тематический поворот в юриспруденции имел свое логическое продолжение в качественном обновлении дисциплинарной структуры самой юридической науки, связанное с новым пониманием культурно-исторической природы права и становлением таких разделов научной рефлексии как антропология права [56; 57], сравнительное правоведение [58; 59; 60], социология права [61; 62], коммуникативная теория права [63; 64]. В известном отношении этот процесс был вызван широкой переводческой активностью зарубежных научных источников, которая была органично вписана в новые условия открывшихся контактов с коллегами по юридическому цеху [65; 66; 67; 68; 69; 70].

Оценивая подобную деятельность положительно, нельзя не отметить ее существенный недостаток, заключающийся в отсутствии институционально организованных форм научной коммуникации. Между написанием и изданием той или иной научной работы того или иного автора, ее переводом и последующим изданием зачастую лежал столь значительный лаг времени, что означало фактически введение в научный оборот уже утративших свою актуальность и проблематичность текстов¹². Очень редко первоначальная публикация на языке оригинала и ее перевод синхронизированы в приемлемых временных и предметных границах. Но, тем не менее, заграничный «крот» истории медленно, зигзагообразно и с известными отклонениями от курса делал свое дело, итогом которого в развитии отечественной юриспруденции стало рождение концептуального левиафана по имени «постюриспруденция» или категориально-понятийной формы права эпохи постмодерна — эпохи текучей современности в определениях Зигмунта Баумана [71]. Поэтому, прежде чем завершить это пространное введение о явлении неизвестно чего, от неизвестно кого, надо познакомиться с его действительными родителями и узнать, с каким посланием *urbi et orbi* они отправили в интеллектуальное путешествие своего ребенка и что от него можно ожидать в плане созидания или разрушения того, что называется онтология, феноменология, аксиология и эпистемология права. Для отечественной юридической науки адекватный ответ на этот концептуальный вызов имеет принципиальное

¹¹ Наука, как и любое живое явление — предмет культурной биологии и традиции. Мартиролог текстов отправленных в небытие, откуда, если что-то и возвращается, но только при условии сохранения самих текстов, востребованных, либо культурной памятью, либо для написания историографических обзоров, либо просто по факту своего дряхлеющего концептуального существования. Их аналитическая биография и судьба закрыты обстоятельствами темного времени [53, 54, 55].

¹² См., например, тексты и дискуссионные материалы, опубликованные в лучшем на сегодняшний день, на мой взгляд, издательском проекте «Российский ежегодник теории права»: № 1. 2008 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2009; № 2. 2009 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2011; № 3. 2010 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2011; № 4. 2011 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2012. Как всегда, на регулярное опубликование современной научной литературы и введение в научный оборот новых идей и концепций весьма ограниченными ресурсами располагают именно неформальные юридические коллективы, которые демонстрируют самый высокий уровень научных разработок. Таким объединением сегодня, несомненно, является Петербургская юридическая школа.

значение. Он предполагает развернутый ответ на вопрос соответствия или несоответствия проблематики и языка формально-догматического подхода к праву [27; 72; 73; 74] все еще сохраняющего доминирующее положение в системе отраслевых юридических наук, современным тенденциям в развитии самой юриспруденции, ее предмета, дисциплинарной структуры и аналитического языка.

Концептуальный трансфер или постюриспруденция

Логически приставка *post* означает явление *нечто* после всего того, что и как имело место в процессе развития той или иной категории, института и предмета. Для права это означает фазовое состояние в развитии правовой реальности, предполагающее радикальный переход от наличных форм юридического существования к формам, отрицающим ранее сложившиеся и устоявшиеся практики, что связано с изменениями в самой юридической науке, осмысляющей подобные трансформации, прежде всего в самой себе, в границах своего юридического языка. Язык постюриспруденции — это язык новых, сложных и текучих трансграничных отношений и институтов, открытых изменениям за рамками сложившихся стандартных форм и процедур производства юридического знания, его концептуализации и институционализации. Процесс концептуализации научного знания связан с двумя аспектами его сборки в общую систему. Во-первых, с процессами ее сегментации на отдельные дисциплинарные комплексы, характеризующимися простыми и сложными отношениями между отдельными дисциплинами. И, во-вторых, с процессами выделения внутри отдельных дисциплин или их комплексов концептуальных ядер, обеспечивающих наличие и поддержание на определенном аналитическом уровне их собственного исследовательского языка, его инструментария, включающего основные категории и понятия дисциплины, ее проблематику и правила или эпистемологические критерии и стандарты оценки достоверности и обоснованности получаемых знаний.

Для эпохи классической юриспруденции характерна жесткая дисциплинарная матрица ее развития и воспроизводства, в значительной мере определяемая внешними социально-политическими и доктринальными практиками, лежащими за рамками этоса самой науки или того или иного научного сообщества. Для эпохи неклассической юриспруденции, составной частью фазовой эволюции которой является постюриспруденция, характерно появление размытых и эластичных дисциплинарных зон и структур, подчиняемых в своем движении собственным правилам концептуальной организации юридического знания с режимами внутреннего саморегулирования и воспроизводства. По существу, речь может идти о двух базовых моделях институционализации юридической науки, представленной административной и либеральной концепцией организации ее развития и воспроизводства.

Это идеальные типы, различающие автономные саморегулируемые исследовательские практики, представленные системой неписаных правил, и практики, построенные на принципах внешнего управления в рамках универсальных и унифицированных письменных правил и процедур, посредством которых происходит отбор приемлемых для внешнего заказчика научных концепций и теорий. В действительности имеет место определенный баланс между этими двумя подходами в понимании природы знаниевых форм существования и развития юридической науки — научной репутацией и административным предписанием, динамика взаимных отношений между которыми зависит от типа социокультуры того или иного общества, открытого или закрытого, демократического или авторитарного, что подтверждает известный социологический факт. Социогуманитарное знание в целом и юридическое знание, особенно, в различных формах его выражения и трансляции, — это не только представления о должном порядке, но также и социальный институт, обладающий собственной когнитивной и социокультурной нормативностью, обеспечивающий порядок внутри самой системы юридических знаний и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими институтами.

В этом аспекте понимания природы постюриспруденции как особой формы социокультурной рефлексии и процесса легитимации или делегитимации систем юридических знаний, выстроенных в логике различных культурно-исторических оснований своего признания или отрицания, является фундаментальной темой и проблемой. Ее теоретическая разработка составляет одну из самых актуальных задач современной фазы концептуальной эволюции юридической науки [18, с. 256–275]. Проблемы постюриспруденции — это проблемы, прежде всего, самой постюриспруденции. И заключены они в вопросе соционормативных и культурно-исторических оснований процесса формирования данной фазы институционального и концептуального развития. Это состояние и логический итог исчерпанности ресурсов прежних практик юридического развития или открытие новой перспективы преодоления этатистской версии понимания права и условие радикальных преобразований институциональной и концептуальной логик осмысления и функционирования существующих институтов. Что можно ожидать от юридического будущего в ситуации, когда диагностика кризиса производится в терминах языка, породившего кризис? Можно ли описать данное явление в терминах концепта «Куновской революции» смены парадигм [75]? Можно ли перенести на процессы трансформации правовых систем идеи генеративной грамматики языка Ноама Хомского и рассматривать протекающие внутри правовых систем процессы как проявления генеративной грамматики права, выраженной в правилах порождения, трансформации и признания альтернативных языков описания и объяснения права [76]? Чем определяются границы институциональных и концептуальных изменений юриспруденции — социальными и когнитивными

правилами или грамматикой самого правопорядка, — вопрос риторический. Грамматика правопорядка — комплексная категория. Это система правил институционализации и система правил концептуализации права в рамочных определениях и границах юридического языка своей социокультуры и ее этоса. И здесь существенно понимание фундаментальных различий линейной (инерционной) и циклической (генеративной) грамматики правопорядка, грамматики минимальных или имитационных и грамматики парадигмальных или структурных изменений в системах юридической организации социальных отношений. Грамматика воспроизводства прежнего правопорядка, его пролонгации или грамматика его преодоления и преобразования, грамматика авторитета, традиции и социальной иерархии или грамматика консенсуса, конвенций и социальных лифтов.

Новая правовая реальность с ее собственным практическим и теоретическим языком описания и объяснения процесса перехода возникает в пространстве социокультуры с накопленными в нем разнонаправленными практиками, настроениями и переживаниями ожидания прихода «мессии» с его символами грядущего светлого юридического будущего и способного предложить нечто удобоваримое и усваиваемое правосознанием кризисной эпохи. Как всегда носители нового символа веры рядом, надо лишь в него поверить, совместив идею *генеративной грамматики языка* Хомского с *юридическим концептом действительности* Гаджиева. Их объединяет фундаментальное основание социальной реальности — ее языковая и юридическая составляющие общего механизма социальной коммуникации. Исторические формы существования языка и права являются выражением органической нормативности социального порядка как такового, в самом себе заключающего все разнообразие будущих языковых и юридических практик социального общения. Право генетически задано процессами социального общения. Также генетически задана способность осмыслять данные процессы в терминах должного или недолжного социального порядка как правопорядка. Явление — права производная социальных коммуникаций, осмысляемых на языке социокультуры своей исторической эпохи. Язык права и есть язык социальной коммуникации, чье существование, развитие и воспроизводство определяется нормативной грамматикой социального порядка¹³.

¹³ Актуальность постановки вопроса социокультурной природы юридического языка и его концептуальная разработка за рамками формально-догматической интерпретации языковых конструкций и определений позволяет свернуть с проторенной дорожки отечественной традиции юрико-технического (инструментального) понимания языка права. Юридический язык в терминах генеративной грамматики социального порядка составляет основание, прежде всего, процессов правообразования и правопонимания. Правоприменение и толкование норм права, — всего лишь моменты его действительного существования. Догматическая трактовка права фактически и, по существу, не видит и не хочет видеть другой правовой реальности, кроме формально-логически и грамматически организованного языка официального письменного текста [77]. Доверие государства формально-догматическому правопониманию объясняется заблуждением, что постоянно редактируя тексты нормативно-правовых актов, можно редактировать и санкционированную ими реальность. Действительное право заключено в самой социальной реальности. Государство может лишь категоризировать и формализовать социаль-

При всем разнообразии подходов в понимании нормативной природы права, — классический позитивизм, неклассические версии понимания права (культурно-историческая юриспруденция, естественно-правовая доктрина, либертарно-юридическая теория) и постюриспруденция (феноменология, правовая герменевтика, синергетика), — государственный позитивизм продолжает благополучно жить, не обращая внимания на свой преклонный возраст и реанимируя себя в концепции дуальной природы права, сочетающей естественно-правовые (ценностные) и формально-правовые (догматические) определения. Все остальные конструкции, концепции и перцепции либо ушли в историческое небытие, либо продолжают грезить концептуальным реваншем. Для отечественной юридической науки квалификация и обозначение ее современного состояния как постюриспруденция весьма проблематична, поскольку никаких глубоких институциональных и структурных бифуркаций в праве и в доктринальных, и концептуальных основаниях дисциплины не происходит. Хотя социокультурный контекст и когнитивный запрос на изменения в понимании природы права, его языка и дискурса ощущается повсеместно [18; 25; 78; 79; 80; 81; 82]. Узок круг разрушителей установленного концептуального порядка. Начало положено, но пока ему не видно конца. Объясняется это, видимо, весьма значительным по своему воздействию на открывающиеся возможности эпистемологических изменений историческим обстоятельством. А именно, особенностью нашей культуры консервативного восприятия действительности и формального включения в ее аналитический словарь заимствованных слов, при отсутствии описываемой ими фактической реальности, то есть означающего без означаемого.

Слова формируют и меняют наличную реальность, если сама реальность готова и способна их адекватно понимать и воспринимать. Процессы ее категоризации, концептуализации и институционализации протекают в исторической логике социокультуры своего времени. А это уже тема и проблема правосознания не столько отдельных носителей перемен, а общества в целом как адресата одновременно и социокультуры традиции, и социокультуры развития. Постюриспруденция — явление и продукт не только глобализации и унификации социального порядка, а, скорее, общего кризиса онтологических, аксиологических и эпистемологических оснований в системах социального общения современной эпохи. Язык юриспруденции либо открывает, либо закрывает вход в новый меняющийся на глазах мир. Как мы справимся с этим соционормативным вызовом, так и будет. Ресурсы развития юридической науки, ее дисциплинарной структуры и

ные отношения, исходя из своего адекватного или неадекватного понимания внутренней нормативной логики функционирования наличной сети социальных коммуникаций. Социальные институты сами в себе заключают юридические порядки собственной организации. Юридическое начало имманентно социальным отношениям и предполагает возможность сосуществования различных формальных и неформальных техник и практик их нормативной регуляции.

языка заключены в накопленном, нерастраченном и не девальвированном символическом капитале идей и ценностей юридических картин мира, устанавливающих ментальные, когнитивные и эпистемологические основания и границы преобразований наличных соционормативных систем. Идея культурного капитала [83], высказанная П. Бурдьё еще в 1983 году, востребована отечественной юридической наукой эпохи перемен, нуждающейся в качественном обновлении своего словаря, способного уловить, понять и адекватно выразить новые потребности и условия собственного развития. Введение в юридический анализ пограничных аналитических единиц, имеющих собственную инструментальную биографию и традицию использования в других областях научного знания и позволяющих капитально расширить предмет и понимание природы права, представляется существенно значимым моментом преодоления концептуальной инерции классического юридического языка¹⁴.

Дисциплинарный кластер

Дисциплинарная структура юридической науки складывается в рамках юридических картин мира своей исторической эпохи и определяется принадлежностью к той или иной культуре понимания права, фиксирующей ее ключевые категории и понятия. Каждый акт социального общения в различных системах социокультурных координат наполнен собственным символическим смыслом и практическим значением. Аналогично историческим эпохам существования права — права до права (социоприродного права), классического (*формального*) права и права после права или пост-права (*права трансграничных коммуникаций*), можно также рассматривать

¹⁴ Достаточно полная иллюстрация непрерывной традиции переопределения базовых единиц научного анализа представлена в социологической теории, начиная с элементарных понятий дисциплины и завершая современным состоянием ее концептуальной эволюции. См.: Вебер М. Основные понятия социологии // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 453–482; Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. Меняющийся контекст социальных отношений постоянно требует внимания к наличной номенклатуре используемых понятий, позволяющих социологически осмыслять явления общественной жизни, составляющих предмет социологии на адекватном предмету дисциплины языке. См.: Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства. — Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Том 1. Вып. 1; Гидденс Энтони, Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. В постреволюционной юриспруденции опыт такого анализа представлен в статье отечественного правоведа Тимашева Н.С. «Фундаментальные социологические концепты», опубликованной в *American Journal of Sociology*? Vol. 58. № 2 в 1952 году. (Тимашев Н.С. Методологические работы 1920–30 годы. М., 2010. С. 53–75).

Общая схема изучения категориального и понятийного языка социологии включала такие структурные элементы как рабочее определение понятий и анализ происхождения, текущие значения и интерпретации, критические замечания и срез сохраняющейся актуальности аналитических единиц. Количественные и качественные изменения в базовом языке дисциплины в диахроническом аспекте его существования и выражения позволили обнаружить, описать и объяснить культурные и концептуальные различия отдельных практик социального общения. То есть выявить ключевые термины эпохи, устанавливающие аналитические границы их исследования. К сожалению, подобные научные проекты в юриспруденции не нашли своего системного, предметного и методического воплощения и приложения.

и эпохи формирования и существования науки права — юриспруденции до юриспруденции, классической юриспруденции и постклассической юриспруденции. Каждая эпоха существования права и науки права является выражением юридического концепта действительности своего исторического места и времени, представленного в определениях языка своей социокультуры — языка мифоритуальной, религиозно-символической и рационально-логической общей юридической грамматики права и науки права, порождающей тот или иной конкретно-исторический, нормативный и концептуальный формат права и науки права. Языкам определений и понятий права корреспондируют языки правил и институтов права, объединяемые общей историей своего становления, генезиса и развития. Это — две стороны общей правовой реальности — концептуальной и институциональной, движение которой подчинено собственной внутренней генеративной логике процессов ее концептуализации и институционализации.

Эволюция концептуальной структуры науки права и институциональной структуры права протекает в их взаимных отношениях и взаимовлияниях из одной юридической формы в другую и составляет предмет интегративной юриспруденции. Не вполне корректно связывать появление данного формата существования юридического знания только с современным состоянием развития юридической науки. Каждой эпохе осмысления права соответствует свой формат интеграции наличного юридического знания в определенные дисциплинарные комплексы. Каждой эпохе организации системы представлений о праве отвечает своя дисциплинарная структура, которая характеризуется своим составом элементов и связей, то есть имеет свой дисциплинарный кластер, в рамках которого протекает процесс осмысления правовой реальности в терминах и определениях языка ее исторической эпохи. Дисциплинарный кластер юридической науки каждой исторической эпохи аккумулирует в себе ее юридическое наследие, составляющее накопленный правовой капитал будущего в развитии языка права, и языка науки права. Историческая семантика и поэтика сакрального, религиозного и понятийного языка выражения и осмысления права, жанрово-тематические формы репрезентации юридических текстов, генерации терминологии и грамматики юридических дискурсов составляют новое проблемное юриспруденции. Лингвистический культурно-исторический поворот в юриспруденции еще тихо дремлет и ждет своего часа [84; 85]. Правовые системы типологически различные в своей онтологии (*категориях*), аксиологии (*ценностях*) и эпистемологии (*концептах*), входя в эпоху постмодерна, нуждаются в глубокой трансформации официального кодифицированного языка и дискурса.

Генеалогия бытия права и науки права предметно, содержательно и формально может быть представлена в истории становления и развития именно дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции. Исследования, ведущиеся в рамках данного формата правоведения, предполагают совме-

щение как синхронического, так и диахронического аспектов и измерений существования и выражения науки права. Следует четко представлять исторический контекст эволюции дисциплинарной структуры юридической науки, поскольку различные подходы в понимании природы права и определении его понятия в значительной мере являются функцией языка его социокультуры, в рамочной аксиологии и эпистемологии которой изучаются конкретно-исторические типы отдельных правовых систем. Правовые системы, по существу, и являются выражением исторической эволюции грамматики правопорядков, совмещающих правила юридической организации социальных отношений (в системе наличных источников права и правовых институтов) и правила их осмысления, понимания, описания и объяснения (в системе наличных правовых доктрин и правовых знаний). В этом аспекте понимания концептуального статуса и дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции ее общим предметом является нормативная и аналитическая грамматика правопорядка, на пересечении которых складывается ее общее понятийное ядро — язык интегративной теории права.

Составные элементы интегративной теории права могут быть аналитически представлены в определениях ее предмета и методов, научного языка дисциплины, его базовых категорий и понятий, а также междисциплинарных связей в общей системе социогуманитарного знания, в совокупности дающих логически достаточно полное представление о структуре и истории становления и развития самой дисциплины. Опыт концептуальной разработки самих научных дисциплин в исторической логике смены и заимствований знаниевых форм и форм рефлексии имеет собственную традицию и весьма подробно разрабатывается отдельными направлениями зарубежной исторической эпистемологии [22; 86; 87]. Для отечественной юриспруденции здесь открывается широкая перспектива в изучении концептуальной эволюции дисциплины, существенно обогащающей не только ее предметные и методологические основания, но также, и прежде всего, социокультурные, ментальные и когнитивные различия юридических картин мира в практиках восприятия, понимания, оценки и объяснения правовой действительности, ее цивилизационное измерение.

Право — не физическая реальность, хотя включает в себя учреждения, институты и процедуры законодательной, исполнительной и судебной власти. Право — метафизическая реальность. Ее нельзя потрогать руками. Ее можно коснуться только сознанием, через восприятие, переживание и осмысление в образах, мифах, представлениях и понятиях. Это субъективно-ориентированная онтология нормативно-должного, выраженная в топиках коллективного или индивидуального социального поведения. Право — своего рода юридический текст, одновременно концепт и конструкт — ментальное представление о должном и нормативная конструкция должного. Историческая эволюция права является выражением эволюции юридических

картин мира, смены гештальта эпохи или мировоззрения определенного исторического (культурного) *времени* и определенного исторического (культурного) *пространства*. Юридические картины мира лежат в основании конституирования систем правовых институтов и систем юридических знаний. Связь данных проявлений общей правовой реальности онтологически задана. Влияние правовых институтов на развитие юридических знаний (их содержания и структуры) и юридических знаний на развитие правовых институтов (их содержания и структуры) подтверждается исторической практикой функционирования типологически различных правовых систем.

Социокультурный контекст и механизм превращения или перехода знания о праве в правовые институты составляет ключевую тему современной юриспруденции. Отсюда собственно и проистекает то, что составляет предмет феноменологии права или права в восприятии и переживании права, аксиологии права или права в отношении и оценках права, эпистемологии права или права в определениях, теориях и концепциях. Феноменология, аксиология и эпистемология права это ментальное и когнитивное измерения существования права, выражение его онтологии. Онтология права или бытие права обнаруживает себя в двух модусах своего существования, внешнего бытия права и внутреннего бытия права, глубинной концептуальной реальности и поверхностной институциональной реальности. Явление права существует в определениях эмпирического языка права (*конструкциях*) и определениях концептуального языка права (*представлениях*). Язык, на котором говорят и рассуждают о праве, уже в самом себе заключает то, что мы мыслим о праве, то, как мы мыслим о праве, и то, что мы знаем и можем узнать о праве. То есть предмет рассуждения, способ рассуждения и результат рассуждения о праве. Иначе говоря, еще до того как мы начали размышлять о явлении права, границы его определений уже заданы и очерчены самим языком. В этом плане, правовая реальность, которая прячется в явлении права фактически и по существу — функция языка, его словаря и терминологии, и его грамматики, правил и процедур рассуждения. Все аспекты существования и выражения права в буквальном смысле связаны языком социально-правового общения и осмысления права¹⁵. Явление права существует и воспроизводит себя на языке социокультуры своей эпохи или ее нормативной и концептуальной грамматики. Юридическая грамматика или грамматика правопорядка формирует сложный, многоуровневый и многосоставной ансамбль возможных юридических практик, обеспечивающих

¹⁵ Язык права сущностен, то есть он возникает в онтологии права на пересечении объективных и субъективных оснований социального общения или когнитивной и коммуникативной составляющих социальной коммуникации. Право живет в сознании. Сознание формирует право в рамочных значениях (семантике) языка социокультуры своего времени. Общая грамматика правопорядка заключает в себе одновременно и правила мышления, и правила поведения. Проблема генезиса и взаимодействия когнитивной и коммуникативной грамматик правопорядка — предмет и тема интегративной теории права в двух логиках ее аналитического построения и определения — когнитивной теории языка права и коммуникативной теории языка права.

организацию социальных отношений в их нормативных конструкциях и определениях. Аналитический язык, на котором рассуждают о праве, обладает концептуальной нормативностью, устанавливающей границы понимания и определения права.

Постановка вопроса концептуального статуса и дисциплинарной структуры юриспруденции в социокультурном и междисциплинарном контекстах ее развития выражает разные аспекты проблематизации ее предмета и методов, соответственно, проблемы, связанные с изучением феноменологических и аксиологических оснований структуризации науки права и проблемы, связанные с изучением когнитивных и эпистемологических оснований структуризации науки права. Не касаясь всего разнообразия основных тенденций и векторов развития юриспруденции можно выделить следующие четыре фазы и схемы ее концептуальной структуризации в целом: формально-догматическую, реалистическую, культурно-историческую и собственно эпистемологическую. Перечисленные форматы построения юриспруденции в различных модусах их научно-практического выражения, как классического, так и неклассического, в конечном счете воспроизводят культурно-исторические логики эволюции самой дисциплины. Безотносительно чего бы то ни было, в основании этих процессов лежат парадигмальные сдвиги в практиках социального общения и, соответственно, языка и дискурса (*словаре и аргументации*) новой эпохи. Именно эти составляющие права — юридический язык и юридический дискурс образуют собственный предмет теории права, эпистемологию права. Эпистемология права и есть общая теория права в ее собственном смысле данного понятия, то есть, теория, предметом которой является сама теория.

Исторически первый формат юриспруденции включал в свою дисциплинарную систему философию права, историю государства и права и историю политических и правовых учений. Аналитический язык составлял четко структурированный круг понятий и догматических правоположений. В данном дисциплинарном контексте аналитика исследования права сосредоточена, главным образом, в определениях формальной теории и доктринальной истории права. Она сохраняет свое аналитическое значение, поскольку ее содержание образует предметный и категориальный фундамент юридической науки и составляет правовое наследие юриспруденции в целом¹⁶. Второй формат концептуальной эволюции теории права в орбиту своего внимания включил проблематику юридических дисфункций, определяемые влиянием социальных и политических факторов в практиках правоприменения и вызывающих отклонения системы установленного права и фактически

¹⁶ Классика жанра в отечественной юриспруденции представлена трудами Г. Шершеневича, И. Ильина, Н. Алексева, Е. Трубецкого, Ф. Тарановского. Это, действительно, гвардия отечественной юриспруденции, задвинутая в тень чужой советской истории. К сожалению, академические и университетские традиции «допереворотной» культуры научного общения утрачены и, видимо, навсегда. Сегодня в нашем распоряжении — сплошные «инновации», «менеджеры» от науки и продавцы воздуха.

действующего. Язык социологически ориентированной юриспруденции внес существенный вклад в исследование реальной практики юридической организации социальных отношений.

Новый этап в развитии теоретической юриспруденции был связан с пониманием роли историко-генетических и социокультурных оснований в процессах правообразования и эволюции правовых систем. Дисциплинарная структура юриспруденции пополнилась такими новыми направлениями концептуализации права, как правовая этнография, антропология и психология правовых институтов. Антропологическая ориентация юридической науки сыграла важную роль в понимании социогуманитарной природы права. В рамочных определениях языка культурно-исторической юриспруденции нашло свое предметное выражение человеческое измерение правовой реальности, как в ее феноменологии, так и в ее аксиологии. Четвертая фаза парадигмальных изменений в общем корпусе юридической науки, терминологически обозначаемая как постюриспруденция, связана и определяется общим кризисом онтологических оснований права и современного правопонимания. Потребность в преобразовании концептуального языка описания и объяснения новых тенденций в практиках юридической организации социальных отношений вылилась в критику теоретического инструментария юридической науки, его способности быть адекватным меняющимся условиям правового развития.

Понимание того, что эволюция права, это также эволюция форм и систем знаний о праве, их структуры и содержания, категориального и понятийного аппарата, под другим углом зрения выявило проблему предмета теоретической юриспруденции. Наука права — культурно-исторический феномен. Наука права, также как и право, — функция или производная исторического времени и пространства. Юриспруденция воспроизводит себя в системе меняющихся концептуальных и эпистемологических координат. Концептуальная эволюция, также как и институциональная эволюция, имеет собственную логику изменений, выраженную в таких фазовых преобразованиях систем юридических знаний, как донаучная, переходная и собственно научная (понятийная) фаза в развитии знаниевых форм рефлексивности, его аналитического языка. Фазовые переходы и изменения носят не линейный, а циклический характер. Все возвращается на круги своя, если не думать о будущем. Процесс концептуализации права связан с процессами дифференциации и интеграции знаний о праве, консервацией или формированием новой дисциплинарной структуры. Индикатором перемен являются изменения в содержании и структуре связей в системе общих и отраслевых юридических наук, сохранением закрытых и появлением новых, открытых предметных сфер в изучении права и науки права.

Процесс смены теоретико-методологических подходов в понимании природы, форм существования и выражения права, то есть ментальных, когнитивных и концептуальных оснований права получил логическое отображение

в появлении в составе юридической науки таких дисциплинарных областей как правовая лингвистика (поэтика и семиотика), правовая герменевтика, сравнительная юриспруденция. Предмет сравнительной юриспруденции, в отличие от предмета сравнительного права, акцентирующего внимание на сопоставлении правовых институтов, лежит в плоскости сравнения языков описания и объяснения различных правовых систем. Ее аналитическая повестка включает изучение культурно-исторических оснований обменов и заимствований языков права и науки права, жанровых форм и тематических сюжетов юриспруденции, риторических конструкций и формул, ее аналитики, терминологии и техники социокультурной мотивации и аргументации правовых суждений и определений. Это — проблема языковых транзитов в системе правовых систем — переопределения понятий и деформации правовых конструкций в процессах трансграничных пересечений и обменов. Здесь лежит еще «непаханое» поле аналитических тем и решений. Очень точно подобные концептуальные ситуации охарактеризовал Паоло Вирно, итальянский философ и методолог — «здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона...» [88, с. 34]. По сути, реальная структура категориально-понятийных систем имеет сложную слоистую конфигурацию, каждый слой которой включает в себя элементы своей собственной истории развития. Слои перемешивались и образовывали внешне несовместимые, но внутренне спаянные общим культурным и правовым наследием концептуальные комплексы со своей иерархией аналитических определений, конструкций и терминологии¹⁷. Это — предмет археологии понятий или, в терминах М. Фуко, археологии знаний — исторической онтологии и эпистемологии права.

¹⁷ Заслуживает внимания введение в научный оборот концепта «*понятийные ряды*», хотя, очевидно, что его аналитическим коррелятом является конструкция «*категориально-понятийный аппарат*», совмещающая категориальные (конкретно-универсальные) и понятийные (инструментальные) рамки разработки теории права в целом и отдельных аспектов или уровней описания и объяснения государственно-правовых явлений. Действительный интерес представляет разработка концепции «*аналитических комплексов*», совмещающая предметные, эпистемологические и формально-логические основания и определения феномена права во взаимных, парадигматических и синтагматических отношениях между уже включенными и включаемыми в аналитический комплекс элементами-понятиями. Значение имеет не сам понятийный ряд как таковой в составе его элементов (перечней) и сочетаниях элементов (последовательностей), а сетевая структура связей между понятиями-элементами на различных уровнях их концептуальной организации. То есть само понятийное пространство и его внутренний порядок, что позволяет выявить собственное место элемента-понятия в общей категориально-понятийной системе — ее аналитическое ядро и периферию. Аналитическая разработка сетевой структуры понятийных связей, то есть понятийных сетей, имеет двойное назначение. Во-первых, понятийные сети являются логической импликацией сетевой структуры самой изучаемой реальности и скрытых в ней правовых явлений и институтов. Во-вторых, понятийные сети являются выражением и аналитическим продолжением базовой парадигмы, в рамочных определениях которой понятия-элементы получают свое предметное и функциональное значение. Ключевая проблема концептуализации сетевой реальности, то есть распределения понятий-элементов, исходя из их действительного места в общей логико-понятийной сети, заключается в ее многомерной мобильности, текучести и неопределенности (подвижности), как по факту ее существования, так по факту ее развития, что требует, соответственно, разработки новой грамматики правопорядка или логики и языка его понятийной репрезентации.

Наиболее значимый парадигмальный сдвиг в концептуальной эволюции теории права заключен в активном формировании в ее структуре двух взаимосвязанных дисциплинарных направлений — эпистемологии правовой науки и истории концептуальных форм существования и выражения права. Эпистемологическая ориентация в правоведении связана с переформатированием ее аналитического ядра, формированием в его структуре новой концептуальной и предметной категории — теории юридической теории или юриспруденции юриспруденции. Эволюция юридической науки — это эволюция юридического концепта действительности в его институциональном и когнитивном измерении в различных культурно-исторических контекстах формирования и развития юридической картины мира. И право, и наука права в целом и в отдельности есть проявления юридической картины мира в системе ее базовых категорий, ценностей и представлений о должном или недолжном порядке отношений. Выраженная в определениях и терминах культурно-исторической юриспруденции это — система метаоснований, ориентаций и траекторий возможных структурных трансформаций в системах права и системах знаний о праве. Смена паттернов, гештальта [89] или габитуса [41, с. 75; 90] (глубинных архетипов восприятия и понимания действительности) означает изменения культурной матрицы и культурного капитала определенной эпохи, медленно пополняемого, быстро расходуемого и постоянно девальвируемого в практиках социального общения.

Каждую историческую эпоху эволюции юридической картины мира характеризует своя система мышления о праве (осмысления и категоризации права), своя система понимания природы и источников права, своя система культурных и концептуальных границ определения права. Каждая историческая эпоха существования права в его собственной онтологии, то есть, в категориях ее исторического бытования, живет только в исторических определениях своего права, значит в понятиях его исторической эпистемологии. У каждой эпохи свое право в его категориях и определениях. Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои исторические логики трансформации правовых институтов, ценностей и представлений о праве. Фазовые изменения юридических картин мира получают свое отражение в фазовых изменениях систем юридических знаний — от мифопоэтических форм через системы религиозно-символических представлений о праве — к системам рационально-логических определений понятия права.

Новая правовая реальность требует своего институционального и аналитического языка. На смену традиционным жестким категориально-понятийным сетям описания и объяснения права на языке догматической традиции, не спрашивая разрешения на право говорить о том, что составляло ее концептуальную монополию, приходят текущие аналитические конструкции, определяемые динамичной средой конкурирующих подходов, исключающих возможность апелляций к последней инстанции юридической истины — государству. Историческая эпистемология права и есть концептуальный

ответ на этот запрос современного понимания природы права и знания о праве. Ее аналитическое ядро — структурно-генетическая юриспруденция; ее аналитический подход — историческая грамматика правопорядка; ее аналитический предмет — право и наука права в категориях и определениях языка социокультур своего времени.

Смена гештальта в юридических системах постмодерна связана с феноменом сетевой власти социальных коммуникаций, что означает простой нормативный факт — государственная политика во всех институциональных формах и практиках своего существования определяется социальными сетями. Эпоха отождествления государственного и политического в практиках социального общения уходит с исторической сцены. На место ее регуляторных инструментов (правил, процедур и конструкций) приходит эпоха сетевых адаптаций и саморегулирования в процессах социализации и институционализации права. Эпоха сосуществования *концептов* жесткого и мягкого права обретает свою собственную историю. На смену правового языка, дискурса и аналитического инструментария монистической юриспруденции приходит правовой язык, дискурс и аналитический инструментарий плюралистической юриспруденции. Чем все кончится, слава богу, никто не знает, ни начальники, ни подчиненные, поэтому все вынуждены будут разговаривать друг с другом на языке общей судьбы, то есть общего права или общей грамматики правопорядка.

Остается только ответить на один сакраментальный вопрос. Феномен права — это функция социальных коммуникаций, социально-нормативный факт и его открывают в заключенной в нем онтологии, или феномен права — это функция политики социального конструирования и нормативное решение, санкционированное спрятанной в нем идеологии? В ответе на этот вопрос и лежит ответ на вопрос «*Что есть право, а что не есть право?*», что собственно и составляет главный предмет правоведения, представленной в определениях семиотики, поэтики и герменевтики юридического текста, соответственно, коммуникативной, когнитивной и интерпретативной теории права. Концептуальная биография юридической науки в определениях Шершеневича, Кельзена, Харта и концептуальная биография юридической науки в определениях Петражицкого, Эрлиха, Гурвича дают разные ответы на этот вопрос, и оба правильные в собственной парадигме.

Что делать с многоликим Янусом в его прошлом, настоящем и будущем? Ответ на вопрос, «*что есть право?*», означает определение того, что не входит в формально-догматическое определение понятия права. Эпистемологический статус постюриспруденции открывает новую концептуальную перспективу в развитии, прежде всего самой юридической науки. В отличие от закрытых форматов ее предметного и методологического существования [91, с. 28], постюриспруденция находится в открытом междисциплинарном пространстве, которое, постоянно обновляясь, собственно и является основанием ее рождения и воспроизводства. В этой логике своего развития категориаль-

ная и понятийная дорожная карта постюриспруденции неисчерпаема в определениях явления права. Право при всем разнообразии исторических форм своего институционального и концептуального выражения, видимо, в своей сущности непостижимо, поскольку новая юриспруденция, исследуя право, постоянно меняет и аналитические и предметные границы явления права. Неизвестное в известном, что открывает бесконечную перспективу в развитии юридической науки, поскольку никто не знает, что такое право в собственном значении своего видимого явления и скрытого понятия. Постюриспруденция — это не дисциплинарный комплекс, а тем более не отдельная дисциплина в общей системе социогуманитарного знания. Это парадигмальная фаза концептуальной эволюции форм юридической науки, непрерывно переопределяющей свой предмет в поисках себя в этом предмете. Строительство новой собственной кодифицированной аналитики продолжается, чтобы снова исчезнуть и повториться [92].

Список литературы

1. Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
2. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М., 2010. 296 с.
3. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М., 2002. 496 с., 600 с.
4. Проди П. История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. 512 с.
5. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. 320 с.
6. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
7. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. Монография. М., 2016. 240 с.
8. Васильева Н.В. Категория «правовое регулирование» в понимании советских юристов // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 109–112.
9. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9 (201). С. 43–51.
10. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140–159.
11. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008. 344 с.
12. Полдников Д.Ю. Договорные теории классического *jus commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011. 525 с.
13. Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М., 2013. 368 с.

14. Михайлов А.М. Идея естественного права: История и теория. Монография. М., 2010. 460 с.
15. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. Монография. М., 2012. 496 с.
16. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. Монография. М., 2016. 459 с.
17. Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права. Теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения. М., 2019. 416 с.
18. Легитимность права / под общей ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб., 2019. 496 с.
19. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. 416 с.
20. История понятий, история дискурса, история метафор: сборник статей / под ред. Х.Э. Бедекера. М., 2010. 328 с.
21. Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов. М., 2011. 192 с.
22. Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015. 240 с.
23. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 28–36.
24. Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10. С. 88–101.
25. Культуральные исследования права / под общей ред. Честнова И.Л., Тонкова И.Н. СПб., 2018. 464 с.
26. Демин А.В., Гройсман С.Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права». Lex Russica. 2019. № 4. С. 56–67.
27. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19–29.
28. Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право: монография. М., 2018. 108 с.
29. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. 304 с.
30. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. 419 с.
31. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 381 с.
32. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973. 396 с., 401 с.
33. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. 352 с.
34. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. 416 с.
35. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. [Электронный ресурс]. М., 2016. 640 с. Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392184651.html>
36. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: В 4 ч. / Ред. совет: В. М. Чхиквадзе (пред.) [и др.]. Т. 1. Основные институты и понятия. М., 1970. 621 с.
37. Варламова Н.В. Философия права и правовая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2006. С. 269–300.
38. Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. СПб., 2008. 772 с.

39. Энциклопедия правоведения и интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. (Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Институт государства и права Российской академии наук, Российская секция международной ассоциации философии права и социальной философии; ответственный редактор В.Г. Графский). М., 2013. 224 с.
40. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике: монография. М., 2016. С. 48–72.
41. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. 576 с.
42. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 448 с.
43. Фуллер Л. Мораль права. М., Челябинск, 2019. 312 с.
44. Зайцева Е.А. «Мягкое право»: объективная реальность или юридическая метафора // Современное право. 2012. № 1. С. 35–38.
45. Нерсесянц В.С. Право: единство понятия и разнообразие определений // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 26–35.
46. Лукашева Е.Н. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений. Советское государство и право. 1975. № 4. С. 29–36.
47. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12 (156). С. 68–84.
48. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. 366 с.
49. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. 552 с.
50. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000. 288 с.
51. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2005. 656 с.
52. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. 352 с.
53. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. 160 с.
54. Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. 136 с.
55. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. 350 с.
56. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. 467 с.
57. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. М., 2015. 840 с.
58. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. 381 с.
59. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15.
60. Варламова Н.В. Современная компаративистика: сравнительное правоведение или сравнительная культурология // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. М.: РУДН, 2011. С. 192–200.
61. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. М., 1995. 297 с.
62. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. 263 с.
63. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. 863 с.

64. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2016. 575 с.
65. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. 496 с.
66. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. 608 с.
67. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. 351 с.
68. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. 310 с.
69. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. 576 с.
70. Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. 288 с.
71. Бауман З. Текучая современность. М., СПб., 2008. 240 с.
72. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2. С. 107–120.
73. Корнев А.В. Цифровые технологии, социальные процессы, модернизация права и возможное будущее российского юридического образования // Lex Russica. 2019. № 4. С. 23–29.
74. Четвериков В.А. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4. С. 151–169; № 5. С. 161–173.
75. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. 310 с.
76. Хомский Н. Три модели описания языка // Кибернетический сборник. Вып. 2. 1961. С. 237–266.
77. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
78. Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб., 2002. 96 с.
79. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. 684 с.
80. Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 4. С. 35–57.
81. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016. С. 30–71.
82. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012. 650 с.
83. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 521–528.
84. Хомский Н. Глубинная и поверхностная структура // Картезианская лингвистика. Главы из истории рационалистической мысли. М., 2018. С. 70–106.
85. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015. 380 с.
86. Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М., 2014. 160 с.
87. Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2016. 240 с.
88. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2015. 176 с.
89. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018. 80 с.
90. Бурдые П. Габитус и пространство стилей // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 538–543.
91. Лефевр А. Производство пространства. М., 2015. 432 с.
92. Рейснер М. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. 276 с.